

Сказка vs действительность в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» и в романе Г. Яхиной «Дети мои»

О. В. Мешкова

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Челябинский государственный университет.
Россия, г. Челябинск. ORCID: 0000-0002-3654-1939. E-mail: ru-tochka@mail.ru

Аннотация. В статье выявляется смыслообразующая роль сказок в двух произведениях – в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» (1970), неоднократно становившейся предметом научных изысканий, и в недавно опубликованном, а потому еще малоисследованном романе Г. Яхиной «Дети мои» (2018). Принцип презумпции художественной целостности и безусловной художественной самостоятельности анализируемых текстов, с одной стороны, а с другой – комплексный подход, учитывающий положения сравнительного метода, интертекстуального и мифопоэтического анализа текстов, позволяет установить особенности апелляции к сказке авторов, творчество которых разделяет более полувека, и ответить на вопрос, как оба писателя, прибегая к сказке, манифестируют свое видение реальности.

Центральные персонажи произведений – Мальчик из повести Ч. Айтматова и шульмейстер Бах из романа Г. Яхиной – выступают как слушатели и как создатели сказок, что обуславливает особую, сюжетообразующую роль мотивов, связанных со сказкотворчеством, которое в мире произведений оказывается сродни мифотворчеству.

Произведенный анализ текстов дает право утверждать, что апелляция к сказке позволила авторам, во-первых, раскрыть особенности психологии неординарных героев: в повести «Белый пароход» это мышление ребенка, которое, по сути, мифологично и связано с интуитивным постижением мира; в романе «Дети мои» – сознание творческого человека, стремящегося к созданию и сохранению гармоничного мира; во-вторых, посредством антиномий реальное/вымышленное, действительное/сказочное вскрыть профанность мира реального. Разрушение сказки, торжество хаоса в мире эмпирическом (физическом) может стать причиной трагической развязки. Происходящее «после сказки», как в повести, так и в романе, заставляет задуматься о вечности проблемы противостояния добра и зла, о том, как вернуть гармонию в мир реальный, что в целом способствует углублению социально-философской проблематики произведений.

Ключевые слова: Ч. Айтматов, Г. Яхина, сказка, миф, контекст, сакральное, профанное.

Основные векторы исследования романа Г. Яхиной и повести Ч. Айтматова. Интерпретация романа Г. Яхиной «Дети мои» сопряжена с погружением в обширный фольклорно-литературный контекст, хитросплетения которого сразу же были отмечены как в рецензиях, посвященных произведению, так и в литературоведческих статьях, проясняющих идейно-художественное своеобразие текста. Очевидно, что наиболее явный вектор изучения – обращение к немецкому фольклору и литературе – задан и предметом изображения (в романе речь идет о судьбе немцев Поволжья), и реминисцентным фоном, который легко опознается читателями. Уже в первых откликах на произведение начинает выстраиваться соответствующий сравнительный ряд. Так, К. А. Мильчин, размышляя о романе Г. Яхиной, обращает внимание читателей на фамилии героев произведения – Бах, Grimm, Бёлль, Гофман [8] и так далее, которые с предельной очевидностью отсылают к немецкой культуре. Расширяет круг возможных сопоставлений анализ жанрово-стилевых особенностей романа. Ю. В. Чернявская, к примеру, определяет произведение Г. Яхиной как роман-миф [20], Г. Л. Юзефович видит аллюзии на Толкиена [19]. Эти наблюдения суммирует Н. И. Павлова, отмечая, кроме примет магического реализма, «традиции авантюрного романа, произведений о детях-беспризорниках, фэнтези, мелодрамы и <...> соцреалистического романа» [12, с. 54]. Обстоятельный разбор произведения в статье Э. Ф. Шафранской «Фольклор как сюжетообразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» позволяет еще основательнее расширить привлекаемый контекст и обратить внимание на переключку с «маркесовским Макондо» [18, с. 102]. Эти предварительные наблюдения свидетельствуют о том, что, во-первых, эксплицитные и имплицитные связи романа «Дети мои» с литературной традицией обширны; во-вторых, выявление этих связей значительно расширяет горизонты восприятия произведения.

В аллюзивный круг романа «Дети мои», на наш взгляд, может быть включена повесть Ч. Айтматова «Белый пароход» (опубликована в 1970 г.). Несомненно, за полувековую историю изучения творчества Айтматова накопилось немало ценных трудов, анализ которых мог бы стать предметом самостоятельного исследования. Заметим, что одним из магистральных направлений научных изысканий, посвященных творчеству киргизского писателя, явилось изучение своеобразия его фольклоризма. Фундаментальные изыскания У. Б. Далгат [4], Г. Д. Гачева [2; 3] позволили вскрыть некоторые особенности миромоделирования киргизского прозаика, особенности его мифопоэтики. Стремление постичь специфику фольклорно-мифологических истоков произведений Айтматова способствовало появлению ряда статей соответствующей тематики¹. Однако, несмотря на многочисленность трудов, посвященных «Белому пароходу», исследовательский интерес к нему сохраняется, ибо это произведение обладает обширным смысловопорождающим резервом, который с течением времени не утрачивается, а получает дополнительные импульсы: повесть Айтматова, генерируя разнообразные концепции при соположении с новоявленными текстами, расширяет поле их интерпретации, как следствие, углубляет понимание.

Особенности предлагаемого в статье подхода. Справедливо возникает вопрос: каковы основания для сравнения повести «Белый пароход» Ч. Айтматова и романа «Дети мои» Г. Яхиной? Во-первых, фольклорно-мифологические истоки, без постижения которых невозможно полноценное восприятие указанных текстов, ибо в том и другом фольклор представлен весьма разнообразно: сказки, предания, пословицы и поговорки органично входят в ткань как повести, так и романа. Во-вторых, особая функция сказок в изучаемых произведениях: сюжетообразующими и в повести «Белый пароход», и в романе «Дети мои» становятся мотивы создания, рассказывания и разрушения сказок. Заметим, что сказкотворчество смыкается в отдельных моментах с мифотворчеством², что обусловлено, прежде всего, особым мироощущением героев. Эти тезисы являются отправной точкой наших изысканий. Подходя к изучаемым текстам с презумпцией их безусловной самостоятельности и художественной целостности, считаем, что при этом установление межтекстовых отношений и «одновременное» прочтение двух произведений позволит достичь «глубинного смыслового слоя» [5, с. 66], имеющегося как в повести, так и в романе. Теоретико-методологический инструментарий, избранный для решения поставленных задач, предполагает опору на ключевые положения сравнительного метода, интертекстуального и мифопоэтического анализа текстов, что в итоге позволяет достичь поставленную цель – установить особенности апелляции к сказке авторов, творчество которых разделяет более полувека, и ответить на вопрос, как оба писателя, прибегая к сказке и мифу, **манифестируют свое видение реальности.**

Повесть «Белый пароход» имеет альтернативное заглавие – «После сказки», провоцирующее определенные читательские ожидания, а именно: с одной стороны, настраивает на связь с особым художественным миром – миром сказки, которая традиционно рассматривается как «нарочитая и поэтическая фикция» [13, с. 87]; с другой – подсказывает читателю, что для понимания авторского замысла особое значение имеет не только сама сказка, но и события, следующие за ней (вспоминается «После бала» Толстого). В первых строках повести Ч. Айтматова эта мысль получает подтверждение: «У него были две сказки. Одна своя, о которой никто не знал. Другая та, которую рассказывал дед. Потом не осталось ни одной» [1, с. 6]. Таким образом, автор, по сути, дает читателю компас, для того чтобы было выбрано верное направление интерпретации текста: соотнося заглавие с содержанием повести, можно констатировать, что в ней одним из ключевых становится мотив разрушения сказки.

Подобный мотив обнаруживается и в романе Г. Яхиной «Дети мои». Сюжет произведения исполнен драматизма: непродолжительные периоды счастья Баха (знакомство и совместное проживание с Кларой Гримм; воспитание дочери Анче, а затем и беспризорника Васьки, нашедшего приют в доме Баха; общение с комиссаром Гофманом, которого «иногда Бах про себя называл <...> своим последним учеником» [20, с. 241]) заканчиваются внезапными ударами судьбы (как тут не вспомнить айтматовский заголовок «После сказки!»): смертью Клары, Гофмана, уходом повзрослевших детей из дома. Реальность такова, что надежды Баха,

¹ Обстоятельный анализ научных статей, посвященных произведениям Ч. Т. Айтматова, содержится в диссертационных исследованиях. См. авторефераты диссерт Е. А. Мироненко [10], М. С. Мискиной [11].

² В рамках статьи не предполагается углубление теории мифа, в общих характеристиках сказки и мифа следуем за Е. М. Мелетинским [7].

как и мечты Мальчика из повести Айтматова, разрушаются, а потому трагические развязки произведений оказываются предсказуемы. Однако это лишь видимый пласт произведений, связанный с их сюжетами; глубинный же, позволяющий понять истоки произошедших трагедий и дающий представление не только о том, что случилось с героями произведений, но и о том, что имеет отношение ко всем без исключения, связан с постижением смысловых перспектив, которые открываются благодаря выявлению роли сказок в вышеназванных текстах.

Мир реальный в восприятии героев. Ч. Айтматов, мастер социально-философской психологической прозы, в повести «Белый пароход», обращаясь к острым социальным проблемам (браконьерство, семейное насилие, распад семей и так далее), заставляет, несомненно, задуматься и о причинах их возникновения, и о вечной проблеме противостояния добра и зла.

Главный герой повести Айтматова, семилетний Мальчик, являющийся, по сути, сиротой при живых родителях (мать его бросила, отец исчез), живет с бабушкой, дедом Момуном, теткой Бекей и ее мужем, злобным Орозкулом, на кордоне. Красота и гармония природы (безграничность Иссык-Куля, вековечный заповедный лес) лишь подчеркивают неприглядность отношений между людьми. Не раз автор замечает, что ребенок в этом мире одинок: «Один, без друзей...» [1, с. 9], один среди взрослых, живущих на кордоне, одинокий рядом с высокими горами, и однажды «наступит день, когда он останется один на всем белом свете» [1, с. 38].

Ч. Айтматов показывает, как профанное пространство, окружающее ребенка, трансформируется: Мальчик видит, слышит и чувствует то, что не видят взрослые: камни ему представляются «вредными» или «добрыми», «хитрыми» и «глупыми»; растения – «смелыми», «злыми» [1, с. 8]. Восходящий к мифосознанию антропоморфизм позволяет Ч. Айтматову создать представление о мифологическом мышлении Мальчика: ребенок не просто наделяет неживые предметы свойствами живых, но оказывается погруженным в мир эмоций, чувств окружающей природы; в сознании Мальчика границы между реальным и воображаемым стираются, а профанное пространство сакрализуется.

Подобные механизмы трансформации мира читатель может наблюдать и в романе Яхиной «Дети мои». Однако, если в повести Айтматова особенность восприятия мира Мальчиком может быть детерминирована психологически (передаются особенности мифосознания ребенка, интуитивно постигающего мир), то в романе Яхиной обусловленность иного плана. С первых страниц произведения главный герой, шульмейстер Якоб Иванович Бах, русский немец, предстает как человек внешне ординарный: «голос Бах имел тихий, телосложение чахлое, а внешность – столь непримечательную, что и сказать о ней было решительно нечего» [20, с. 14]. Но эта заурядность проявляется в границах обыденного, профанного мира, выход за пределы которого шульмейстеру необходим. Г. Яхина фокусирует внимание читателя на том, как осуществляется этот переход: «Каждое утро, еще при свете звезд, Бах просыпался и, лежа под стеганой периной утиного пуха, слушал мир» [20, с. 14]. Если границы профанного пространства сужаются практически до размеров кровати, то сакральное пространство оказывается абсолютно безграничным – это весь мир. Далее Г. Яхина усиливает намеченный контраст. Остановившись на некоторых житейских подробностях существования шульмейстера, она подчеркивает безразличие героя к бытовому, обыденному. Все, что не трогало душу Баха (годы учительства, «колокольная обязанность»), но составляло часть его жизни, показано как повторяющееся, утратившее своеобразие, при этом автоматизм и машинальность внешних действий, лишенных содержания, не требующих работы ума и сердца, оказываются настолько явными, что в этот момент образ шульмейстера становится сродни гротескным: Бах «научился мысленно раздваиваться внутри собственного тела» [20, с. 18].

Образ шульмейстера «достраивается» в следующих эпизодах текста. Мир, который дорог Баху, – это мир поэзии с ее яркими образами и невероятной силой воздействия на человека. Именно эту мысль автор передает метафорой «любовью к поэзии Баха обожгло еще в юности» [20, с. 19]. Перед читателем уже совсем иной герой – незаурядный, и самое главное, загадочный. Чтобы подчеркнуть, насколько сильным оказалось влияние поэзии, Г. Яхина прибегает к антитезе: «Тогда казалось, он питается не картофельными лепешками и арбузным киселем, а одними лишь балладами и гимнами» [20, с. 24]. Материальное и бесцветное в жизни шульмейстера замещаются духовным и ярким. Это впечатление усиливается, когда читатель узнает о необычном увлечении Баха – «он любил бури» [20, с. 24]. Подобно лермонтовскому Мцыри, который, «... как брат, обняться с бурей был бы рад», шульмейстер преодолевает границы обыденного: «Бах рвал ворот рубахи, обнажая хилую грудь, запрокидывал лицо вверх и открывал рот» [20, с. 25]. Детально описывая поведение Баха во время бури, Яхина визуализи-

зирует то, что невозможно увидеть: душа героя стремится преодолеть внешние границы, прорваться ввысь, от земли к небу. Бах, чувствуя бессмысленность текущего существования, душой откликается на то, что неповторимо, необычно.

Отношение шульмейстера к реальности позволяет говорить о романтическом типе сознания³ этого человека, не случайным является и упоминание о Йенских романтиках с их особым миро моделирующим восприятием искусства. Герой романа Г. Яхиной достраивает действительность в своем сознании, преодолевая границы видимого мира благодаря воображению, живо откликающемуся на художественные образы: «В тысячный раз читая "Ночную песнь странника", Бах бросал взгляд за школьное окно и обнаруживал там все, о чем писал великий Гёте...» [20, с. 39]. В однообразном мире Гнаденталя Бах предстает как одинокий и странный человек.

Итак, социум, описываемый как Ч. Айтматовым, так и Г. Яхиной, лишен духовного содержания, что предопределяет одиночество неординарных героев. Заметим, что есть существенные различия в мироощущении героев. В дорефлексивном сознании ребенка **мир гомогенен**, един, поэтому стирается граница между явью и фантазией, между сакральным и профанным пространствами. Романтический тип сознания Баха проявляется в **двоемирии**: «здесь» – в Гнадентале – среда обывателей, лишенных духовных запросов; «там» – в мире поэзии – яркие образы, эмоции. Однако оба героя имплицитно противостоят действительности: семилетний Мальчик из повести Ч. Айтматова и тридцатидвухлетний шульмейстер Бах, герой романа Г. Яхиной, гармонизируют мир в воображении. Репрезентативным способом характеристики мирозерцания этих героев становится повествование о том, как они воспринимают сказки и создают их. Последовательно проанализируем оба этапа.

Рецепция сказок. Сказки, которые дед Момуна рассказывает Мальчику, переносят ребенка в другую реальность. Как замечает сам герой, сказки у деда Момуна разные – «есть смешные» [1, с. 33], есть «грустные, страшные, печальные» [1, с. 34]. Смешная – сказка о Чыпалаке, ее сюжет восходит к сюжету о мальчике-с-пальчик. Заметим, что мнения литературоведов по поводу роли этой сказки в раскрытии образа Мальчика разошлись. Так, по мысли У. Б. Далгат, сказка о Чыпалаке «не функциональна, упоминается всего лишь один раз, и то в апеллятивном плане, чтобы передать атмосферу, в которой формировался мальчик...» [4, с. 176]. Этот тезис вызывает возражение Е. А. Мироненко, по мнению которой «сказка не является орнаментальной, она <...> выполняет функцию коррелята судьбы главного героя и средства выявления авторской позиции» [9], а также дает представление о «поэтически-возвышенном состоянии души маленького человека» [9]. На наш взгляд, это наблюдение является весьма ценным: создавая образ одинокого ребенка, Айтматов заставляет читателя задуматься над природой подобного одиночества и вскрывает его социальные, психологические и, наконец, онтологические причины. Оппозиция мир реальный – мир идеальный дополняется антиномиями духовно-нравственного характера: злой – добрый, несчастный – счастливый и так далее, при этом перед читателем предстает человек, не от безысходности всматривающийся в то, что его окружает, а индивидуум с особым внутренним миром. Не случайно самой любимой сказкой Мальчика становится сказка (по сути, это генеалогическое предание) о Рогатой матери-оленихе, которая приходит на помощь осиротевшим детям киргизского племени – мальчику и девочке («Теперь я ваша мать, вы мои дети» [1, с. 44]). История находит живой отклик в душе ребенка, поскольку являет собой воплощение его мечты, а кроме того, укрепляет веру Мальчика в то, что окружающая его реальность таинственна.

В мир шульместера Баха сказки входят благодаря Кларе Гримм, семнадцатилетней девушке, учителем которой он неожиданно становится. По сюжету произведения, сказки позволяют наладить коммуникацию между Бахом и Кларой. Через отношение к этим произведениям Г. Яхина показывает наивность Клары, ограниченность ее кругозора, а вместе с тем и незаурядность Баха, который, будучи знатоком высокого немецкого, несомненно, видит простоту, безыскусность рассказов возлюбленной и одновременно их родство с реальностью: «Иногда казалось, что она рассказывает про хутор и про них самих» [20, с. 91]. Обращает на себя внимание глагол *казалось*: сказка словно размыкается, и герои одновременно существуют как в реальном времени и пространстве, так и в сказочном (здесь время не имеет значения, пространство сакрализуется, дом становится центром этого пространства).

³ Развернутый анализ романтического типа сознания как универсального сознания содержится в исследованиях Г. А. Токаревой [14].

Сказкотворчество героев. Повествование о рецепции сказок героями подготавливает следующий сюжетный ход – создание ими собственных сказок.

Мальчик из «Белого парохода» мечтает о том, как он превратится в рыбу и уплывет к отцу, который связан в сознании ребенка с Белым пароходом («Там у меня мой папа – матрос» [1, с. 29]). Это та самая сказка, «о которой никто не знал». Было бы упрощением, на наш взгляд, говорить о двоимирии применительно к восприятию реальности героем повести, ибо в его сознании, являющемся мифологическим по сути, нет оппозиции вымысел – реальность, мир един при всем его многообразии и непостижимости, и «Сказка о белом пароходе и большоголовой ушастой рыбе» является тому подтверждением. По справедливому замечанию У. Б. Далгат, «эта сказка – тот же миф» [4, с. 179], поскольку «он становится объектом «реальных» грез ребенка, его явью, что характерно для мифа и не характерно для сказки...» [4, с. 179]. Следует подчеркнуть, что ребенок никому не рассказывает свою сказку, оберегает свой мир «таинственно-волшебных дум», тот внутренний космос, который противопоставляет ступе мира физического.

В романе «Дети мои» шульмейстер проходит несколько этапов, отражающих изменения его отношения к сказкам. После смерти Клары сказки для Баха стали частью сакрального мира, пределы которого обрели достаточно четкие координаты: это сокровенные воспоминания, ибо «любая история, ее герои и обстоятельства неизменно вызывали в памяти образ любимой женщины...» [20, с. 201]. Поистине гамлетовское смятение испытывает Бах, стоящий перед выбором – писать или не писать сказки: с одной стороны, для него приступить к созданию сказок – значит откликнуться на те творческие порывы, которые зародились в душе, но с другой – сделать проницаемыми границы между миром души и миром физическим.

Г. Яхина показывает, как герой охраняет эти границы и как они постепенно стираются. Шульмейстер приступает к написанию сказок, во-первых, для того чтобы разрешить житейские проблемы: за «новые, звонкие, хрустальные» сказки комиссар Гофман, которому требуется «замена сказочного фонда» [20, с. 195], готов выдавать шульмейстеру молоко, необходимое маленькой Анче. Во-вторых, Бах таким образом хочет «оживить» Клару, то есть «взять готовый сказочный сюжет и вдохнуть в него Кларину жизнь» [20, с. 204]. Иными словами, на данном этапе жизненного пути сказка для Баха становится способом «пересоздать» прошлое, для этого шульмейстер в сказку «впускает» реальную жизнь. Так рождается «Сказание о Деве-Узнице» (справедливости ради следует заметить, что за основу берется сказка братьев Гримм «Дева Малейн»).

Особый интерес при этом вызывают метаморфозы, происходящие в сознании новоявленного писателя. Если сначала границы между сказкой и реальностью стираются в художественном мире, творцом которого Бах являлся, то затем зыбкость границ между сказкой и явью Бах будет обнаруживать в мире физическом: после создания ста текстов шульмейстер станет отмечать удивительные совпадения между своими произведениями и тем, что происходит в жизни. Подчеркивая значимость открытия, сделанного героем, Г. Яхина выделяет в отдельный абзац предложение: «А написанное им сбывалось» [20, с. 239], которое затем превращается в рефрен, позволяющий объединить в одно целое ряд картин, фиксирующих загадочные, по мысли Баха, изменения жизни. Читатель видит, как шульмейстер «прозревает», как раз за разом устанавливает связь между своими текстами и жизнью. Чтобы передать состояние души человека, понимающего, что наблюдаемое им противоречит здравому смыслу, Яхина прибегает к антитезе: «Не мог его карандаш – короткий, с обгрызенным в ночных бдениях кончиком – обладать столь могущественной силой» [20, с. 246]. В детальном описании карандаша подчеркивается его малость, даже ничтожность (автор как будто делает акцент на том, что это не волшебная палочка) в сравнении с «могущественной силой», которая может менять жизнь. От неверия в то, что такая связь возможна (не случайно появляется отрицание «не мог его карандаш...»), через наблюдение за происходящим Бах приходит к выводу о том, что его сказки либо «напрямую воплощались в реальности» [20, с. 248], либо находили в ней мимолетное отражение. Итог этих раздумий – возвращение к мысли, которая сначала представлялась «безумной догадкой», а теперь явилась для шульмейстера аксиомой: «Сомнений быть не могло: написанное – сбывалось» [20, с. 248].

На следующем этапе Бах-сказочник предстает в ином свете: он верит в то, что может воздействовать на жизнь с помощью сказки. Сказкотворчество смыкается с мифотворчеством, ибо слово «выходит за пределы языка, сливается с мыслью и действием, актуализирует свои внеязыковые потенции» [15, с. 195]. Бах хочет гармонизировать мир в прямом смыс-

ле: «Ничего не оставлял Бах на волю случая. Знал: каждая фраза, каждое сравнение и каждый поворот сюжета – сбдутся» [20, с. 250]. Мистическая партиципация⁴, угадываемое Бахом сопричастие слова физическому миру, мотивирует шульмейстера на исправление социума посредством сказок. Не случайно гипербола оказывается одним из ключевых приемов, используемых шульмейстером («яблоки не просто "краснели", а "рдели и набухали медом..."; сазаны и стерляди не "ловились", а "заходили" в сеть могучими косяками» [20, с. 251]). Увидев, что творчество влияет на жизнь чудесным образом, он истово работает над тем, чтобы улучшить эту жизнь, создает в сказках «плодородный, сытый и потому добрый» [20, с. 252] мир.

Сказки Гобаха. Особого внимания в постижении сказкотворчества Баха заслуживает сюжетная линия Бах – Гофман, которая в тексте произведения маркирована рядом антитез: немой – речистый; наделенный даром писателя – не имеющий «*таланта к письменному слову*» [20, с. 196]. Оба по-своему преобразуют Гнаденталь: Гофман строил и ремонтировал, Бах писал сказки, при этом, в восприятии Баха, «*Гофман строил – мертвое*» [16, с. 254], а сам шульмейстер «*вдыхал в это мертвое – жизнь*» [20, с. 254]. Живым оказывается слово Баха: его сказки, записанные и опубликованные, обладали воздействующей силой, заставляющей толпу замереть. Миг единения слушателей подчеркивается возникающим после чтения молчанием, которое по природе своей экзистенциально, поскольку позволяет приблизиться к постижению бытия.

Для Гофмана, в отличие от Баха, сказки – часть агитационно-пропагандистской работы. Комиссар предполагал, что так можно вести борьбу со старыми представлениями, а потому дополнял созданные тексты Баха «*неожиданным и при этом идеологически выдержанным*» финалом [20, с. 242] и отправлял их в редакцию под псевдонимом Гобах. В отличие от Баха Гофману важным представляется изображение социальной сферы жизни людей без погружения в духовную, мистическую области. Обращает на себя внимание постепенное изменение в соотношении авторства Баха и Гофмана на разных этапах их сотрудничества: сначала Гофман меняет лишь финалы сказок, расставляя акценты в соответствии с классовой моралью, позже Гофман все больше критикует Баха, а затем и вовсе начинает писать сам. Рационально логический подход к произведениям приводит к тому, что художественная идея упрощается до уровня клише. В этом смысле деятельность Гофмана направлена на десакрализацию творчества Баха, на вытеснение живого слова шаблоном, что в итоге способствует не духовному росту читателя, а его примитивизации.

После сказки. Сказочное и реальное в повести Ч. Айтматова и в романе Г. Яхиной смыкаются: Мальчик видит маралов, в родство с которыми искренне верит, Бах наблюдает «плоды» своего сказкотворчества. Однако «после сказок» становится понятно, что жестокость и насилие остаются приметам бытия.

Ч. Айтматов завершает повествование трагической развязкой. Мальчик не выдерживает разрушения сказки-мифа, точнее, торжества хаоса: после того как Оразкул убивает марала (в представлении Мальчика это та самая Рогатая мать-олениха из сказки деда Момуна), ребенок, континуум которого включает реку, переходит именно в это пространство.

В романе Г. Яхиной утопия, создаваемая творческими усилиями Баха, не становится явью, в действительности наблюдается торжество деструктивных порывов, приводящих к тому, что реальность оказывается сродни дистопии. Примечательно, что несчастный, разочарованный сказочник видит причину бед, происходящих вокруг, в тех сказках, которые он сочинил. Справедливости ради следует отметить, что на этом этапе вера в воздействующую силу сказок героем не утрачена. Открытие, которое совершает шульмейстер, касается содержания не только сочиненных им текстов, но и сказок в целом: Бах «*с изумлением обнаруживал, как сильно дыхание смерти в каждом из них <...>, в то время как воздаяние за перенесенные муки наступало единожды – в финале*» [20, с. 296].

С этим прозрением связан заключительный этап сказкотворчества Баха. Шульмейстер предпринимает отчаянную попытку вернуть спокойствие в Гнаденталь, вернуть единственным доступным для автора сказок способом – сочинить другие тексты – оптимистичные, бесконфликтные. Г. Яхина особым образом выстраивает эту часть произведения. Антитеза, к которой она прибегает, проявляется как в содержании (рассказ о раскулачивании, хлебозаготовках, директивах партии перемежается жизнеутверждающими словами из новых сказок

⁴ Партиципация, или сопричастие, как свойство мифологического сознания охарактеризовано в исследованиях Леви-Брюля [6].

Баха), так и в построении текста: сложные предложения, в которых воссоздается реальная картина жизни, противостоят обрывкам фраз, словосочетаний из сказок шульмейстера. Не случайно основным пунктуационным знаком в этих фрагментах становится многоточие: «и счастливы люди... и счастливы звери... счастливы гномы и великаны... все счастливы...» [20, с. 301]. Таким образом, создается впечатление, что реальность разрушает сказки, для них нет места в советской действительности. Слово шульмейстера не смогло гармонизировать реальность, раздираемую противоречиями: результатом коллективизации и культурной революции явился кризис идеологический, экономический, нравственный. Жестокая расправа толпы над комиссаром окончательно восстанавливает в сознании Баха границы между сказкой и явью. Три предложения, идущие друг за другом, эту мысль выражают предельно четко. Парцелляция, к которой прибегает Яхина, позволяет акцентировать внимание читателя на каждом тезисе:

Знал, что больше в Гнаденталь не придет.

Что сочинять больше не будет.

Что не отпустит Анче к людям – никогда [20, с. 312].

Баху, почувствовавшему себя Демиургом, не удалось преобразить мир: претворение сказки в жизнь не состоялось, Гнаденталь не стал Эдемом.

Разрушение веры в сверхчеловеческое, трансцендентное влечет за собой признание ограниченности мира и как следствие перелом в судьбе человека, осознавшего невозможность гармоничного единения с окружающей жизнью.

Итак, сказки мастерски используются как Ч. Айтматовым в повести «Белый пароход», так и Г. Яхиной в романе «Дети мои». Несомненно, обращение к сказкам обусловлено определенной художественной задачей, стоящей перед писателями, а также уникальностью созданных ими произведений. Однако при всем идейно-художественном своеобразии вышеназванных текстов апелляция к сказке и мифу, которые являются естественными генераторами интертекстуальных связей и выполняют смыслообразующие функции в текстах, позволяет увидеть вечность поднимаемых в произведениях проблем, закономерности в создании образов и развитии сюжетов.

Сказки, созданные героями повести «Белый пароход» и романа «Дети мои», дают представление о незаурядности героев, своеобразии их сознания, поэтически-возвышенном мировосприятии, позволяют понять истоки их поступков. В дорефлексивном сознании Мальчика из произведения Ч. Айтматова сказка-миф является порождением веры в безусловную целостность мира; герой романа Г. Яхиной, шульмейстер Бах, вынужденный преодолевать тяжелые жизненные испытания, сознательно обращается к сказке сначала для того, чтобы соотносить свою жизнь со сказочной, осмыслить прошлое, а затем – воздействовать на настоящее. Картины, созданные воображением героев, позволяют увидеть профанность окружающей их действительности. Мальчик из повести «Белый пароход», живущий в своей системе пространственно-временных и этико-эстетических координат, в мире физическом оказывается одиноким, несчастным; в итоге, оставаясь верным себе, ребенок осуществляет переход туда, где нет места злобе, предательству и так далее, то есть в сказку, которую он создал. Финал повести сильнее, чем инвектива обличает мир, в котором гибнет ребенок.

Незаурядный взрослый человек, наделенный, как шульмейстер Бах, романтическим сознанием, преобразует в своем творчестве феномены реального мира в надежде изменить таким образом этот мир. Однако разрастающаяся стихия насилия не оставляет места сказке, шульмейстер Бах, прозревая, вынужден искать способы скрыться от хаоса действительности.

Роман Г. Яхиной «Дети мои» и повесть Ч. Айтматова «Белый пароход» вступая в своеобразное диалогическое взаимодействие между собой, расширяя посредством сказки и мифа смысловое поле произведений, позволяют встроить судьбы героев в контекст общечеловеческой истории. То, что происходит «после сказки», как в повести, так и в романе, заставляет задуматься не о наивности и абсурдности миров, созданных героями, а о вечности проблемы противостояния добра и зла, о том, как вернуть гармонию в мир реальный, что в целом способствует углублению социально-философской проблематики произведений.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Т. Собрание сочинений : в 3-х т. Т. 2. М. : Мол. гвардия, 1983. 495 с.
2. Гачев Г. Д. Чингиз Айтматов: (В свете мировой культуры). Фрунзе : Адабият, 1989. 483 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М. : Советский писатель, 1988. 445 с.
4. Далгат У. Б. Литература и фольклор: Теоретические аспекты. М. : Наука, 1981. 303 с.

5. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 272 с.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1999. 602 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Академический проект: Мир, 2012. 301 с.
8. Мильчин К. Немецкие страшные сказки в Поволжье: «Дети мои», новый роман от автора «Зулейхи» // ТАСС. 2018. URL: <https://tass.ru/opinions/5193284> (дата обращения: 18.09.2020).
9. Мироненко Е. А. Фольклорно-мифологический контекст повести Чингиза Айтматова «Белый пароход» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklorno-mifologicheskij-kontekst-povesti-chingiza-aytmatova-belyu-parohod> (дата обращения: 19.11.2020).
10. Мироненко Е. А. Фольклорно-мифологический контекст художественной прозы Чингиза Айтматова : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2002. 24 с.
11. Мискина М. С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 206 с.
12. Павлова Н. И. Поэтика визуальности в романе г. Яхиной «Дети мои»: к вопросу о феномене литературного успеха // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 52–66. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru> (дата обращения: 16.05.2020).
13. Пропп В. Я. Фольклор и действительность : избр. статьи. М. : Наука, 1976. 325 с.
14. Токарева Г. А. Романтизм и романтический тип сознания // Литература Западной Европы XIX века. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/tokareva-romantizm-i-romanticheskij.htm> (дата обращения: 10.06.21).
15. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
16. Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. М. : Академия, 2006. 336 с.
17. Чернявская Ю. Книги, о которых говорят. Гузель Яхина: от «Зулейхи» к «Детям» // TUT BY MEDIA. LLC. 2018. URL: <https://news.tut.by/culture/593657.html> (дата обращения: 29.01.2021).
18. Юзефович Г. Гузель Яхина выпустила роман о поволжском немце «Дети мои». С отсылками к Толкиену // Медуза. 06.05.2018. URL: <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-opovolzhskom-nemtse-deti-moi-otsylkami-k-tolkienu> (дата обращения 19.12.2020).
19. Шафранская Э. Ф. Фольклор как сюжетобразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. № 2. С. 101–110.
20. Яхина Г. Ш. Дети мои. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 496 с.

Fairy tale vs reality in the story of Ch. Aitmatov's "White Steamboat" and in G. Yakhina's novel "My Children"

O. V. Meshkova

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University. Russia, Chelyabinsk. ORCID: 0000-0002-3654-1939. E-mail: ru-tochka@mail.ru

Abstract. The article reveals the meaning – forming role of fairy tales in two works – in the story of Ch. Aitmatov's "White Steamboat" (1970), which has repeatedly become the subject of scientific research, and in the recently published, and therefore still little-researched novel by G. Yakhina "My Children" (2018). The principle of presumption of artistic integrity and unconditional artistic independence of the analyzed texts, on the one hand, and on the other – an integrated approach that takes into account the provisions of the comparative method, intertextual and mythopoetic analysis of texts, allows us to establish the features of the appeal to the fairy tale of authors whose creativity is shared by more than half a century, and answer the question of how both writers, resorting to the fairy tale, manifest their vision of reality.

The central characters of the works are the Boy from the story of Ch. Aitmatova and shulmeister Bach from the novel by G. Yakhina act as listeners and as creators of fairy tales, which determines the special, plot-forming role of motives associated with fairy-tale creation, which in the world of works turns out to be akin to myth-making.

The analysis of the texts gives the right to assert that the appeal to the fairy tale allowed the authors, firstly, to reveal the peculiarities of the psychology of extraordinary heroes: in the story "The White Steamboat" this is the thinking of a child, which, in fact, is mythological and is associated with an intuitive comprehension of the world; in the novel "My Children" – the consciousness of a creative person striving for the creation and preservation of a harmonious world; secondly, through antinomies real / fictional, real / fabulous to reveal the profanity of the real world. The destruction of a fairy tale, the triumph of chaos in the empirical (physical) world can cause a tragic de-

nouement. What is happening "after the fairy tale", both in the story and in the novel, makes us think about the eternity of the problem of the confrontation of good and evil, about how to return harmony to the real world, which in general contributes to the deepening of the socio-philosophical problems of the works.

Keywords: Ch. Aitmatov, G. Yakhina, fairy tale, myth, context, sacred, profane.

References

1. *Ajtmatov Ch. T. Sobranie sochinenij: v 3-h t. T. 2* [Collected works: in 3 volumes. Vol. 2]. M. Mol. guardia (Young guard). 1983. 495 p.
2. *Gachev G. D. Chingiz Ajtmatov: (V svete mirovoj kul'tury)* [Chingiz Aitmatov: (In the light of world culture)]. Frunze. Adabiyat. 1989. 483 p.
3. *Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. M. Sovetskij pisatel' (Soviet writer). 1988. 445 p.
4. *Dalgat U. B. Literatura i fol'klor: Teoreticheskie aspekty* [Literature and folklore: Theoretical aspects]. M. Nauka (Science). 1981. 303 p.
5. *Kuz'mina N. A. Intertekst i ego rol' v processah evolyucii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the processes of evolution of poetic language]. M. Book House "LIBROCOM". 2009. 272 p.
6. *Levi-Brull. Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. M. Pedagogy-Press. 1999. 602 p.
7. *Meletinskij E. M. Poetika mifa* [The poetics of myth]. M. Academic project: Mir. 2012. 301 p.
8. *Mil'chin K. Nemeckie strashnye skazki v Povolzh'e: "Deti moi", novyj roman ot avtora "Zulejhi"* [German scary tales in the Volga region: "My children", a new novel from the author of "Zuleikha"] // TASS – TASS. 2018. Available at: <https://tass.ru/opinions/5193284> (date accessed: 09/18/2020).
9. *Mironenko E. A. Fol'klorno-mifologicheskij kontekst povesti Chingiza Ajtmatova "Belyj parohod"* [Folklore and mythological context of the story of Chingiz Aitmatov "The White Steamer"] // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Herald of Kazan State University of Culture and Arts*. 2012. No. 2–3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklore-mifologicheskij-kontekst-povesti-chingiza-ajtmato-va-belyy-parohod> (date accessed: 19.11.2020).
10. *Mironenko E. A. Fol'klorno-mifologicheskij kontekst hudozhestvennoj prozy Chingiza Ajtmatova : dis. ... kand. filol.nauk* [Folklore and mythological context of Chingiz Aitmatov's fiction : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Almaty. 2002. 24 p.
11. *Miskina M.S. Fol'klorno-mifologicheskie motivy v proze Chingiza Ajtmatova : dis. ... kand. filol. nauk* [Folklore and mythological motifs in the prose of Chingiz Aitmatov : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Tomsk. 2004. 206 p.
12. *Pavlova N. I. Poetika vizual'nosti v romane g. Yakhinoy "Deti moi": k voprosu o fenomene literaturnogo uspekha* [The poetics of visuality in G. Yakhina's novel "My Children": to the question of the phenomenon of literary success] // *Kul'tura i tekst – Culture and text*. 2018. No. 3 (34). Pp. 52–66. Available at: <http://www.ct.unialtai.ru> (date accessed: 16.05.2020).
13. *Propp V. Ya. Fol'klor i dejstvitel'nost': izbr. stat'i* [Folklore and reality: selected articles]. M. Nauka (Science). 1976. 325 p.
14. *Tokareva G. A. Romantizm i romanticheskij tip soznaniya* [Romanticism and the romantic type of consciousness] // *Literatura Zapadnoj Evropy XIX veka – Literature of Western Europe of the XIX century*. Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/tokareva-romantizm-i-romanticheskij.htm> (date accessed: 10.06.21).
15. *Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic]. M. Publishing group "Progress" – "Culture". 1995. 624 p.
16. *Tyupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta : ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb.* [Analysis of the literary text : manual for students of philol. fac.]. M. Academy. 2006. 336 p.
17. *Chernyavskaya Yu. Knigi, o kotoryh govoryat. Guzel' Yahina: ot "Zulejhi" k "Detyam"* [The books they talk about. Guzel Yakhina: from "Zuleikha" to "Children"] // TUT BY MEDIA. LLC. 2018. Available at: <https://news.tut.by/culture/593657.html> (date accessed: 29.01.2021).
18. *Yuzefovich G. Guzel' Yahina vypustila roman o povolzhskom nemce "Deti moi". S otsylkami k Tolkienu* [Guzel Yakhina has released a novel about the Volga German "My Children". With references to Tolkien] // *Meduza – Jellyfish*. 06.05.2018. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-opovolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkienu> (date accessed: 19.12.2020).
19. *Shafranskaya E. F. Fol'klor kak syuzhetoobrazuyushchij koncept v romane Guzeli Yakhinoy "Deti moi"* [Folklore as a plot-forming concept in Guzel Yakhina's novel "My Children"] // *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal – Palimpsest. Literary journal*. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research University. 2019. No. 2. Pp. 101–110.
20. *Yahina G. Sh. Deti moi* [My children]. M. AST: Publishment of Elena Shubina. 2020. 496 p.